

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 5, pp. 1415–1437, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81-23

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437

Еще раз о формах показателя множественного числа в тюркских языках

Анна Владимировна Дыбо¹, Лидия Фатиховна Абубакирова², Марк Михайлович Зимин³, Евгения Владимировна Коровина⁴, Зарема Калабзаровна Кочакаева⁵, Александр Владимирович Шаров⁶

¹ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация); Высшая школа экономики (д. 20, ул. Мясницкая, 101000 Москва, Российская Федерация); Томский государственный университет (д. 33, просп. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом
 0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@iling-ran.ru

² Томский государственный университет (д. 33, просп. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник
 0000-0002-1530-5590. E-mail: lidiya_bspu@mail.ru

³ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

лаборант-исследователь
 0000-0002-2043-9868. E-mail: ung.ofelia@gmail.com

⁴ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

младший научный сотрудник
 0000-0002-3072-585X. E-mail: evkorovina@iling-ran.ru

⁵ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник
 0000-0001-8759-1592. E-mail: z.tarkovskaya@gmail.com

⁶ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

лаборант-исследователь
 0000-0001-9803-9330. E-mail: ghauasha@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Зимин М. М., Коровина Е. В., Кочакаева З. К., Шаров А. В., 2020

Аннотация. В статье продолжается обсуждение типов изоглосс и их релевантности для пра-тюркской реконструкции и реконструкции промежуточных узлов тюркского генеалогического древа. *Цель* исследования — проверить возможность и надежность реконструкции морфонологического облика некоторых аффиксов для промежуточных языков-предков стандартно-тюркской группы (огузских, «кыргызских», алтайских, карлукских, тобасских, кыпчакских). Здесь мы привлекаем к рассмотрению не только аффикс множественного числа *-lar, но и вообще словоизменительные и словообразовательные аффиксы, начинающиеся на *-l. Используются *методы* ступенчатой реконструкции одновременно с морфонологическими методами выделения классов позиций и распределения по ним классов алломорфов аффиксов. В качестве *материала* использованы полевые записи диалектов, диалектологические публикации, как современные, так и XIX в., а также материал письменных памятников. *Результаты.* Данные, как новейшие полевые, так и сведения из классических источников, при правильном применении методов ступенчатой реконструкции показывают, что для большинства рассматриваемых стандартно-тюркских клад не реконструируется алломорфия аффиксов на *-l. Ни для праогузского, ни для пракарлукского, ни для пракыпчакского не удаётся доказать существование ассимиляции *-l-аффикса конечному согласному основы. Также оказывается, что существующие в современных языках правила алломорфии вторичны. Одинаковые чередования *-l-аффикса развились в целом ряде идиомов (диалектный башкирский, диалектный казахский, «кыргызские», тобасские, якутско-долганский) в результате контактных процессов, которые существенно моложе, чем те историко-фонетические процессы, которые сформировали эти группы идиомов.

Ключевые слова: тюркские языки, диалектология, кыпчакские языки, огузские языки, морфонология, памятники письменности, фонетическая реконструкция, морфонологическая реконструкция

Благодарность. Работа выполнена по проекту РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России». Авторы выражают благодарность также всем информантам, активистам и коллегам, помогавшим при сборе диалектологического материала.

Для цитирования: Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Зимин М. М., Коровина Е. В., Кочакаева З. К., Шаров А. В. Еще раз о формах показателя множественного числа в тюркских языках // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 5. С. 1415–1437. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437

UDC 81-23

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437

Once Again about Allomorphy of the Plural *-lar* in Turkic Languages

*Anna V. Dybo*¹, *Lidia F. Abubakirova*², *Mark M. Zimin*³, *Evgeniya V. Korovina*⁴,
*Zarema K. Kochakaeva*⁵, *Aleksandr V. Sharov*⁶

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation); Higher School of Economics (20, Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russian Federation); Tomsk State University (33, Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation)
Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of Ural-Altai Department
 0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@iling-ran.ru

- ² Tomsk State University (33, Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Senior Research Associate
 0000-0002-1530-5590. E-mail: lidiya_bspu@mail.ru
- ³ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)
Research Laboratory Assistant
 0000-0002-2043-9868. E-mail: ung.ofelia@gmail.com
- ⁴ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)
Junior Research Associate
 0000-0002-3072-585X. E-mail: evkorovina@iling-ran.ru
- ⁵ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Junior Research Associate
 0000-0001-8759-1592. E-mail: z.tarkovskaya@gmail.com
- ⁶ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)
Research Laboratory Assistant
 0000-0001-9803-9330. E-mail: ghauasha@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Dybo A. V., Abubakirova L. F., Zimin M. M., Korovina E. V., Kochakaeva Z. K., Sharov A. V., 2020

Abstract. *Introduction.* The article continues the discussion of isogloss types and their relevance for the Proto-Turkic reconstruction and reconstruction of the intermediate nodes of the Turkic family tree. *Goals.* The paper makes another attempt to reconstruct the morphophonological appearance of some affixes for intermediate languages-ancestors of the standard Turkic group (Oguz, ‘Kyrgyz’, Altai, Karluk, Toba, Kypchak). The study draws into consideration not only the plural affix **-lar*, but in general inflectional and derivational affixes starting with **-l*. *Materials and Methods.* Methods of stepwise reconstruction are used simultaneously with morphophonological methods of identifying classes of positions and distribution of classes of allomorphs. Field records of dialects, dialectological publications, both modern ones and those of the 19th century, as well as written monuments were used as research material. *Results.* Both modern field data and classical sources, with the correct application of the methods of stepwise reconstruction, point that affixal **-l* has no alternants in proto-Oghuz, proto-Karluk and proto-Qypchaq. All instances of alternation in modern idioms like dialectal Bashkir, dialectal Kazakh, ‘Qyrghyz’ languages, Yakut-Dolghan and Toba languages are to be classified as recent areal innovation. This is deduced due to the nature of morphophonological rules in these languages — neither is applicable for the proto-Common-Turkic stem *auslaut*, but instead is limited to forms that are specific to each separate group in question.

Keywords: Turkic languages, dialectology, Kipchak languages, Oghuz languages, morphophonology, written monuments, areal linguistics, dialectal continuum, historical phonetics, morphological reconstruction

Acknowledgements. The reported study funded by Russian Science Foundation, project no. 18-18-00501 ‘Digital Dialectological Atlas of Russia’s Turkic Languages’. The authors are also grateful to all informants and colleagues who assisted in collecting dialectological materials.

For citation: Dybo A. V., Abubakirova L. F., Zimin M. M., Korovina E. V., Kochakaeva Z. K., Sharov A. V. Once Again about Allomorphy of the Plural *-lar* in Turkic Languages. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1415–1437. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437

Введение

Настоящая статья продолжает обсуждение типов изоглосс в тюркских диалектах, начатое на страницах журнала работами [Норманская, Гаджиева 2020] и [Дыбо и др. 2020] (и ранее [Дыбо 2017]). Нельзя не одобрить замысел Ю. В. Норманской и А. А. Гаджиевой провести ступенчатую реконструкцию показателя множественного числа *-lAg и попытаться спроецировать на локальные прауровни его морфонологическое поведение. Применяемые ими методы анализа, в том числе ареалогические, весьма актуальны для тюркского языкознания и выдержаны с теоретико-лингвистической точки зрения. Использован ранее мало рассматривавшийся материал миссионерских кириллических памятников тюркских языков, который в ряде случаев позволяет получить информацию о хронологически предшествующих современному состояниям языков и тем помочь в реконструкции. В настоящей работе нам хотелось бы, разобрав некоторые моменты, дать дополненную и уточненную интерпретацию ситуации с показателями множественного числа в тюркских языках, относящихся классификационно к группе обще- или стандартно-тюркских (то есть, не касаясь болгарской группы). В результате этих уточнений выводы по групповым реконструкциям морфонологического поведения аффиксов множественного числа несколько изменяются. Наши результаты получены при работе над составлением базы данных Атласа диалектов тюркских языков России; использованы как материалы Атласа, так и релевантные опубликованные материалы.

1. Исходные положения. Прежде всего отметим, что инновационный характер морфонологических вариантов аффикса множественного числа *-lAg в позициях консонантных сандхи не вызывает сомнения у «мэйнстримных» тюркологов, поскольку эти варианты позиционные и распределены обычно точно так же, как алломорфы множества других морфем с исходным *l- (например, аффикс отыменного глаголообразования *lA-, аффикс-атрибутивизатор

*lXG, аффикс абстрактного имени *lXK)¹. Кроме того, во многих тюркских языках все эти аффиксы не имеют консонантных чередований и при этом демонстрируют всегда -l-; для них решение о первичности этого варианта значительно логичнее, чем предположение о вторичной унификации -l-степени при ранее имевшемся чередовании, поскольку сложно было бы объяснить, почему в этих языках обобщились именно варианты с -l-. Предположение ряда казахских ученых о первичности формы аффикса на -t- никогда не находило себе сторонников среди историков языка, еще и потому, что в древних памятниках существует только вариант -lAr², и потому, что вариант после гласной, ожидаемо наименее подверженный влиянию консонантных ассимиляций, почти во всех описанных идиомах выступает как -lAg.

2. Методологические предпосылки. Принципиальный вопрос при ступенчатой реконструкции алломорфии аффиксов — для каждого восстанавливаемого этапа решить, не произошло ли с данным аффиксом изменений на морфонологическом уровне (не поменялся ли в процессе истории его морфонемный состав). Такую ситуацию мы наблюдаем в башкирском языке, например, для аффикса претерита -NI⁴, который попал в один класс чередований с аффиксами Acc -NI⁴, Gen -NI⁴ŋ, при том, что данные других современных языков и письменных памятников предполагают форму NI⁴ (т. е. попадание в один класс с аффиксом локативного падежа -*DA и аффиксом каузатива -*DIr-, см.: [Дыбо 2012: 68]). Для аффикса множественного числа этот вопрос, по-видимому, можно решить, выясняя на каждом этапе, попадает ли он в тот же класс чередований, что *la-, *lIG, *lIK. (Для литературно-

¹ Исключением является поведение аффикса множественного числа *-lAg в башкирском литературном языке, отличающееся от поведения других аффиксов на *l-. Причина здесь экстралингвистическая, восходящая к истории создания нормы современного башкирского литературного языка (см.: [Дыбо 2012: 68; Грамматика 1981: 11]).

² См., например: [Erdal 2004: 158–160]

го башкирского ответ отрицательный, см.: [Дыбо 2012: 69]). Этот вопрос, к сожалению, не затрагивается в статье [Норманская, Гаджиева 2020]. Мы попробуем ниже отметить его: смена морфонологического класса аффиксами является одним из предметов картографирования в нашем атласе.

3. Материалы исследования. Следует заметить, что, хотя, безусловно, изучение миссионерских кириллических памятников XIX – начала XX в. может дать существенные результаты для поздней истории кыпчакских языков, неправомерно называть их «первыми книгами на кыпчакских языках». Для кыпчакских языков имеются существенно более ранние памятники, чем миссионерские кириллические памятники. Это, во-первых, тексты в арабике, которая вполне способна была бы различать *l*, *t* и *d* в формах как множественного числа, так и у других аффиксов на *-*l-*. Пометы «в языке кыпчаков» и под. появляются уже в словаре Махмуда Кашгарского [Clauson 1972: XIX], т. е. в памятнике XI в.; правда, им не всегда можно доверять. Достоверно кыпчакские памятники известны с XIII в. Конечно, язык этих текстов подвержен влиянию средневековых литературных языков, однако мы находим в них некоторые отступления, указывающие на особенности диалектов авторов и переписчиков. Во-вторых, это латинографические миссионерские и просто описательные тексты XIV–XVIII вв. См. перечисление и краткие характеристики этих памятников, например, в [Гаркавец 2019: 5–80]. Для решения вопроса о реконструкции алломорфии аффикса множественного числа для различных узлов генеалогического древа полезно проверить, когда вообще зафиксированы варианты аффикса, а также, как в соответствующих источниках ведут себя по крайней мере еще три «диагностических» аффикса **la-*, **lIG*, **lIK*.

Рассмотрим, как ведут себя все эти аффиксы в средневековых и несколько более поздних памятниках письменности, и в следующих им современных идиомах.

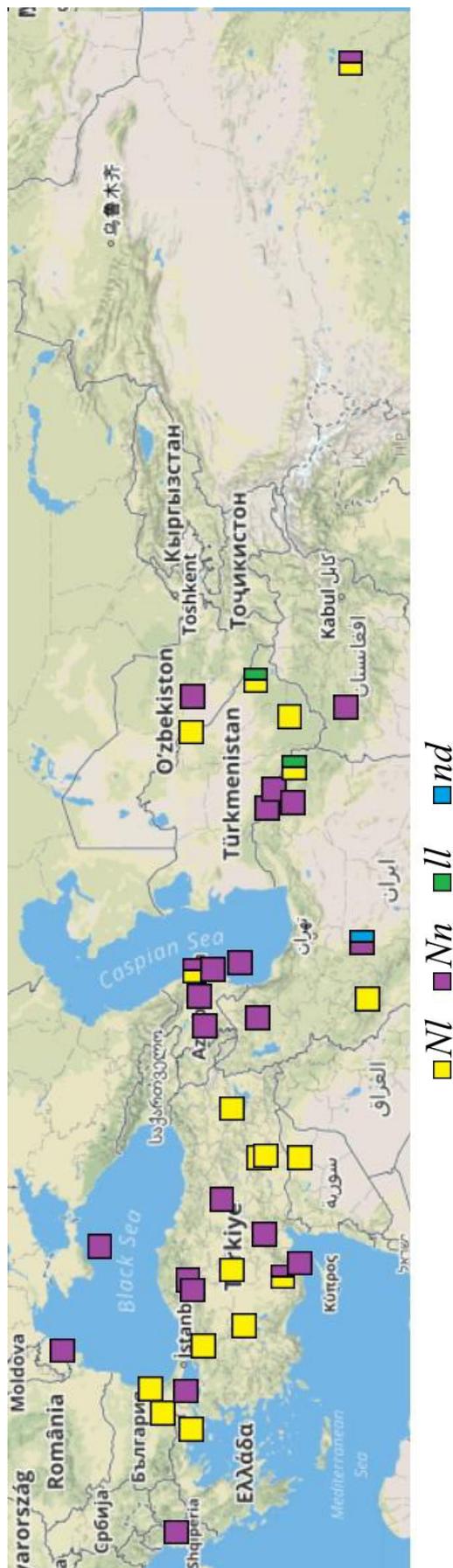
А. Рунические, древне-уйгурские, каранидские письменные памятники: чередований нет — см. [Erdal 2004: 114, 159; Erdal 1991: 139, 429–455; и др.].

Б. Огузские памятники. Здесь мы опираемся прежде всего на материал в [Adamović 1985]. Уверенно огузские памятники появляются с XIII в. По имеющимся исследованиям, форм с консонантными ассимиляциями в интересующих нас аффиксах не обнаруживается в арабографических памятниках вплоть до XX в. Но и латинографические описательные грамматики и транскрипционные памятники староосманского языка, появляющиеся с XVI в., также не показывают ассимиляций вплоть до конца XVIII в., когда под 1790 годом находим *guieursunner* „Nutzen haben“ и под. [Adamović 1985: 240]. Вероятно, можно довольно уверенно утверждать, что в реальной речи такие формы не появлялись раньше XVIII в., поскольку вообще говоря, в османских памятниках обнаруживается довольно много различных диалектных особенностей [Adamović 1985: 321–331], в том числе написания с ассимиляциями *ossum*, *osun* вместо *olsun* ‘да будет’ и под. появляются в латинографических описаниях с XVI в., поэтому трудно было бы считать, что ассимилированные формы не выписывались из-за строгого следования правилам литературного языка.

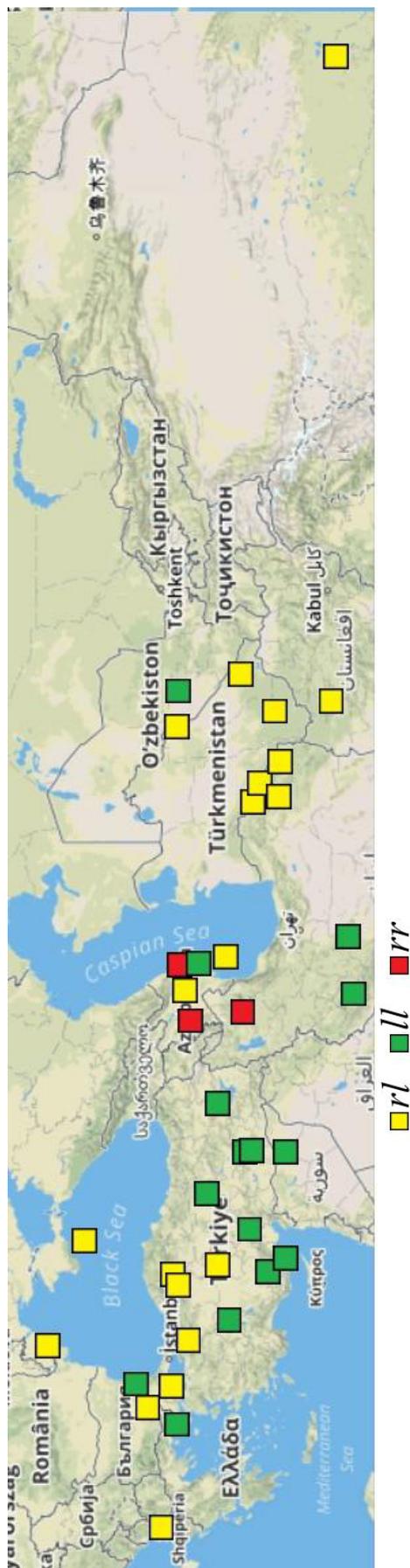
Современные огузские диалекты (см. источники материала в [СИГТЯ 2002]) демонстрируют следующее географическое распределение этого явления:

На карте огузских идиомов изоглосса ассимиляции *l > n* при основах на носовой довольно беспорядочно располагается на фоне сохранения *l* в этой позиции; обобщение этих данных с данными по памятникам с очевидностью указывает на то, что для праогузского состояния не может восстанавливаться вариант окончания *pl -nAr* после основ на носовой. Кроме того, оказывается, что в центре зоны огузских диалектов, совершенно не связанном с восточной зоной кыпчакских языков, возникают инновационные *t-* и *d-* варианты *L-*аффиксов после основ на шумные (поскольку это не только аффиксы множественного числа, невозможно связать эти варианты с реликтом древнетюркского множественного числа на *t*); обращает на себя внимание также халаджское явление *d-*вариантов *L-*аффиксов у основ на *n* (при *n-*вариантах этих же аффиксов у основ на *m*), что также говорит о независимой инновации.

Карта 1. Морфонема L после основ на носовые в огузских диалектах
 [Map. 1. Morphoneme L after stems beginning with nasals in Oghuz dialects]

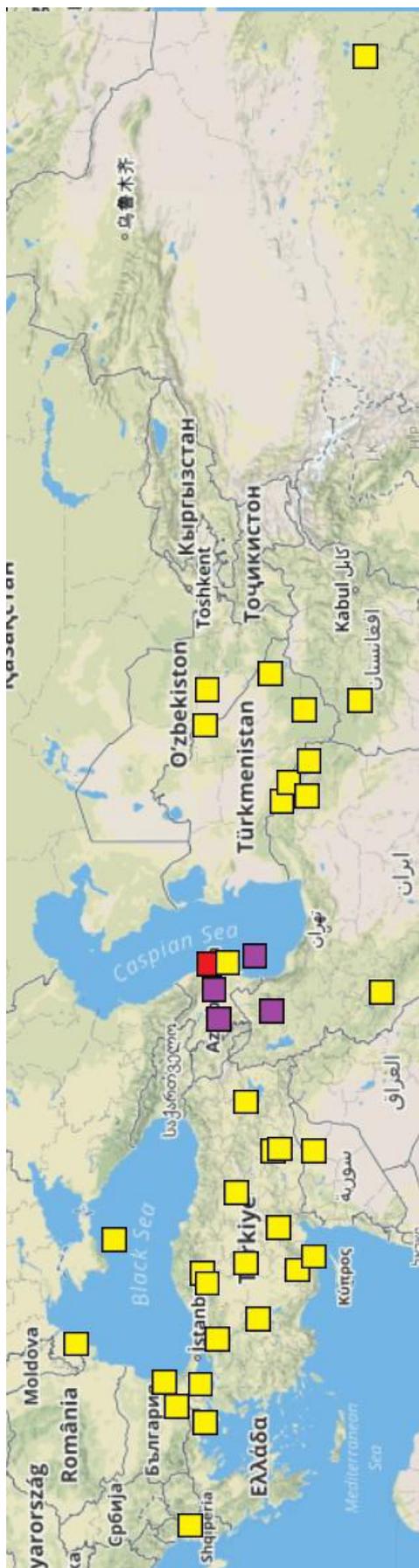

Карта 2. Морфонема L после основ на r- в огузских диалектах
 [Map. 2. Morphoneme L after stems beginning with r- in Oghuz dialects]

Карта 3. Морфонема L после основ на глухие шумные в огузских диалектах

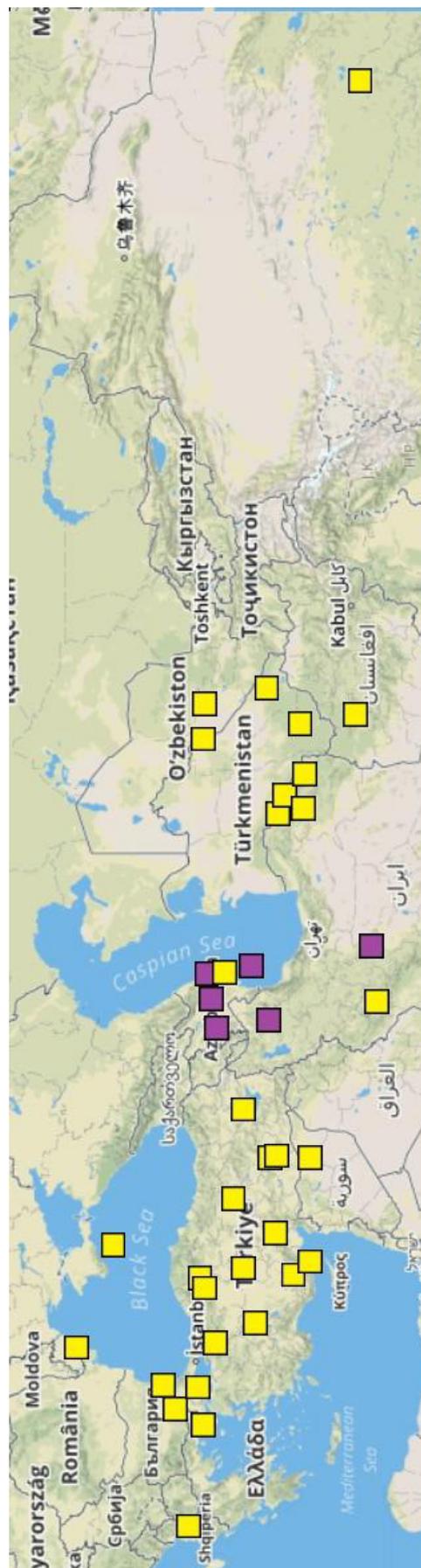
[Map. 3. Morphoneme L after stems beginning with voiceless obstruents in Oghuz dialects]

■ l ■ Dd ■ Td

Карта 4. Морфонема L после основ на звонкие шумные в огузских диалектах

[Map. 4. Morphoneme L after stems beginning with voiced obstruents in Oghuz dialects]

■ l ■ Dd ■ Td

В. Обратимся к кыпчакским языкам. Как мы упоминали выше, достоверно кыпчакские памятники известны с XIII в. Ни для каких раннекыпчакских памятников не зафиксировано случаев никаких чередований начального L- в аффиксах под влиянием конечных согласных основ. В том числе это Codex Cumanicus, латинографический памятник кыпчакского куманского языка, начала XIV в.; по многим параметрам это западно-кыпчакский язык, вероятно, имеющий близкое отношение к караимским диалектам, а также, вероятно, к кумыкскому и карачаево-балкарскому (см., например: [Гаркавец 2019: 52–53]). Так же обстоят дела в армяно-кыпчакских половецких памятниках XVI в. (см.: [Грунин 1967: 358]).

Более восточные по происхождению кыпчакские тексты также не показывают никаких консонантных сандхи у рассматриваемых аффиксов (ср. XIII в.: [Houtsma 1894] *barli* ‘богатый’, *saqalli* ‘бородатый’, *aflu* ‘всадник’, *tatlu* ‘сладкий’ *saqla-* ‘остерегаться’, *mānli* ‘пятнистый’, *ānlik* ‘румяна’, *anlar* ‘они’, *ornuların* ‘их места’ и т. д., не менее 50 случаев). Не наблюдается чередований и в памятнике XIV в. [Кононов, Фазылов, Зияева 1978: 433–438].

В языке письменных памятников Казанского ханства и позже в старотатарских и старобашкирских памятниках (до XVIII в. включительно) обнаруживаются только варианты -lAr, -lA-, -lIK, -lI в том числе после носового конца основы, см.: [Хидиятов 2005: 25; Курбатов 2003; Хисамова 2015]³. Это касается как литературных произведений, так и деловых документов, переписки и даже воззваний из лагеря пугачевцев. При этом другие диалектные особенности, отличающие язык этих памятников от «хорезмийско-тюркского» или

³ В книге [Нуриева 2004: 77, 136, 163, 253, 280] приведены формы из памятников XIV–XV вв.: *oylannar* ‘сыновья’ (Кысас аль анбия, Нахджул ал-Фарадис), *boynnary* ‘суставы’ (Нахджул ал-Фарадис), *zinnar* ‘кресты’ (Мухаббат-намэ, Гулистан), *tuynnary* ‘их шеи’ (Джумджума). Но их наличие не подтверждается другими изданиями памятников; примеры также отсутствуют в соответствующих разделах работы Ф. Ш. Нуриевой по этим памятникам в [Курбатов 2003] и [Хисамова 2015], и, таким образом, это опечатки под влиянием современного татарского.

кодифицированного старотатарского литературного языка, появляются в тех же текстах по крайней мере с XVII в., например, позиционный и полный типы «джоканья» (выражается в употреблении буквы джим в начале исконно-тюркских слов на ПТ *j-) (см.: [Дыбо и др. 2020: 706–707]): *Идил-Жайык* ‘Волга и Яик’ (Джам-и ат-таварих, XVII в., в Касимове), *жыл* ‘ветер’ (редко, в основном й-, Мауля Кулуй, II пол. XVII в.), *жиз* ‘медный’ (торговый акт XVIII в., [Курбатов 2003: 488, 498, 509]), *жиулгучы дошманлар* ‘собравшиеся враги’ (NB совр. *дошманнар* ‘враги’), *жиар* ‘соберут’, *жиуб* ‘собрав’, *жибэргэйсез* ‘отправьте’, *Жайык* ‘Яик’, *житделер* ‘прибыли’, и др. (Пугачевские письма, II пол. XVIII в.), *йөридер жиийалмай* ‘ходит, не может собраться’ (Габдельмандан Муслимов, II пол. XVIII в.; возможно, позиционное «джоканье»), *жандырыр* ‘возродится’ (Габдессалам, II пол. XVIII в., возможно, полное «джоканье») [Хисамова 2015: 386–388].

В течение всего XIX и начала XX в. в языке арабографичной татарско-башкирской литературы наблюдается различное отражение типов «жоканья — йоканья», и появляется различное отражение чередований $n \sim l$. Эти особенности, отчасти, видимо, обусловлены диалектной основой языка авторов, а отчасти употребление начального *йай* и отсутствие чередований может быть связано с ориентацией на староосманскую норму (что проявляется также в морфологических особенностях языка ряда авторов). Ср., например, полное йоканье в «Сэяхэтнамэ» (издание основано на уфимской рукописи, см. [Курбатов 2003: 522–525]) при наличии чередования $n \sim l$ (*угланнары* ‘тех парней’ [Курбатов 2003: 536]; полное же йоканье при отсутствии чередований -L- у Курмаши (Притоболье, [Курбатов 2003: 565–575]); следы неполного жоканья татарского типа и отсутствие чередований -L- у Хибатуллы Салихова (*жир/йир*, *йул*, *яхшы*, *бунлар*, Сакмарский район Оренбургской области) [Хисамова 2015: 409] и т. п.

Нормирование литературного татарского языка, составление нормативных грамматик и словарей прежде всего — заслуга Каюма Насыри (1825–1902, место рождения и ранних лет жизни — деревня Верхние Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии; образование получено в Казанском

медресе и университете). В его трудах мы обнаруживаем четкую систему «татарского неполного жоканья» (*жай* ‘лето’, *жаулмак* ‘собираться’, *жил* ‘ветер’, *жир* ‘земля’, *йылан* ‘змея’, *йулдуз* ‘звезда’, *йаш* ‘молодой’) и отсутствие чередований для L во всех соответствующих аффиксах (*хайванлар* ‘скот’, *хатунлы* ‘женатый’) — см., хотя бы, [Насыри 1904]; в общем, это соответствует современным диалектологическим данным, см. ниже.

С другой стороны, со второй половины XIX в. появляется значительное количество текстов в кириллице, ориентированных на диалекты крещеных татар; социолингвистическую характеристику этих диалектов см., например, в [Berta 1988: 7].

Данные обследования миссионерских текстов, демонстрируемые в работах Ю. В. Норманской и ее соавторов, совпадают с полевыми данными 70–80-х гг. XIX в., собранными Г. Балинтом, в цитированной публикации А. Берта. Это диалекты со сплошным жоканьем и ассимиляцией начального l-аффиксов предшествующим носовым конца основы. Те же особенности «народного татарского языка» находим в [Бессонов 1881: 8, 215, 217]⁴ (*олонна*- ‘ожеребиться’, *бярәннә*- ‘объягниться’, *кейемне* ‘имеющий одежду’, *кейемнә*- ‘доставить одежду’, *жул жөре*- ‘путешествовать’), [Катанов 1898: 20 (о сплошном ц- в начале слова), 29, 31, 39] (в транскрипциях: *кийимнер* ‘одежды’, *уланнар* ‘сыновья’, *көннәр* ‘дни’, *дәшманнары* ‘враги’, *үткәннәгін* ‘остроты-Асс’, *урыннаш*- ‘селиться’. однако в арабографичной передаче этих же текстов всегда -nl-).

Любопытно, что, по-видимому, при создании татарской орфографической нормы в латинской графике было решено использовать компромиссный вариант между миссионерской кириллической «нормой» и арабографичной нормой по Каюму Насыри, ср. [Alparov 1934: 23]: «неполное жоканье» плюс *аңла*- ‘понимать’, *qotль* ‘песчаный’, *qotльq* ‘песчаное место’, но *qotнар* ‘пески’, *көпнәр* ‘дни’ и т. д. То есть наиболее частотный, словоизменительный аффикс множественного числа нормирован по «раз-

⁴ Ср. там же примечание: «Замечательно также, что крещеные татары превращают в известных случаях звуки д и л флексий по ассимиляции в н, тогда как татары-мухамедане почти никогда этого не делают».

говорному» варианту, который в это время, судя по цитированным выше работам А. Г. Бессонова и Н. Ф. Катанова, социолингвистически преобладал, а прочие, словообразовательные аффиксы — по «книжному». От латинской орфографии эти нормы перешли в нынешнюю кириллическую.

Ситуацию в современных татарских диалектах обрисовывает карта № 55 в [АТНГ 2015]: для сибирско-татарских языков отмечены колебания -nl- ~ -nn-⁵, в костромском, касимовском, бастиановском, азеевском и субдиалектах пензенского мишарского (с. Татаро-Никольское) сохраняется -nl-, регрессивная ассимиляция в =лл= отмечена на границе с Марий Эл (парангинский диалект). Ср. в диалекте мордва-каратаев [Андреев 2007]: *үләнлек* ‘лужайка’, *аңла* ‘понимать’, *димлә*- ‘уговаривать’, *иркенлә*- ‘становиться просторным’, *иялтынлык* ‘стыдливость’, *туганлар* ‘родственники’.

Карта волгоуральских идиомов, построенная на наших экспедиционных материалах, в целом соответствует этой картине.

Конфигурация карты показывает, что показатель без алломорфии сохраняется в основном на дальней западной периферии ареала; алломорфы на -d действительно выстраиваются вдоль казахской границы, демонстрируя контактное происхождение, как и предполагается в [Норманская, Гаджиева 2020].

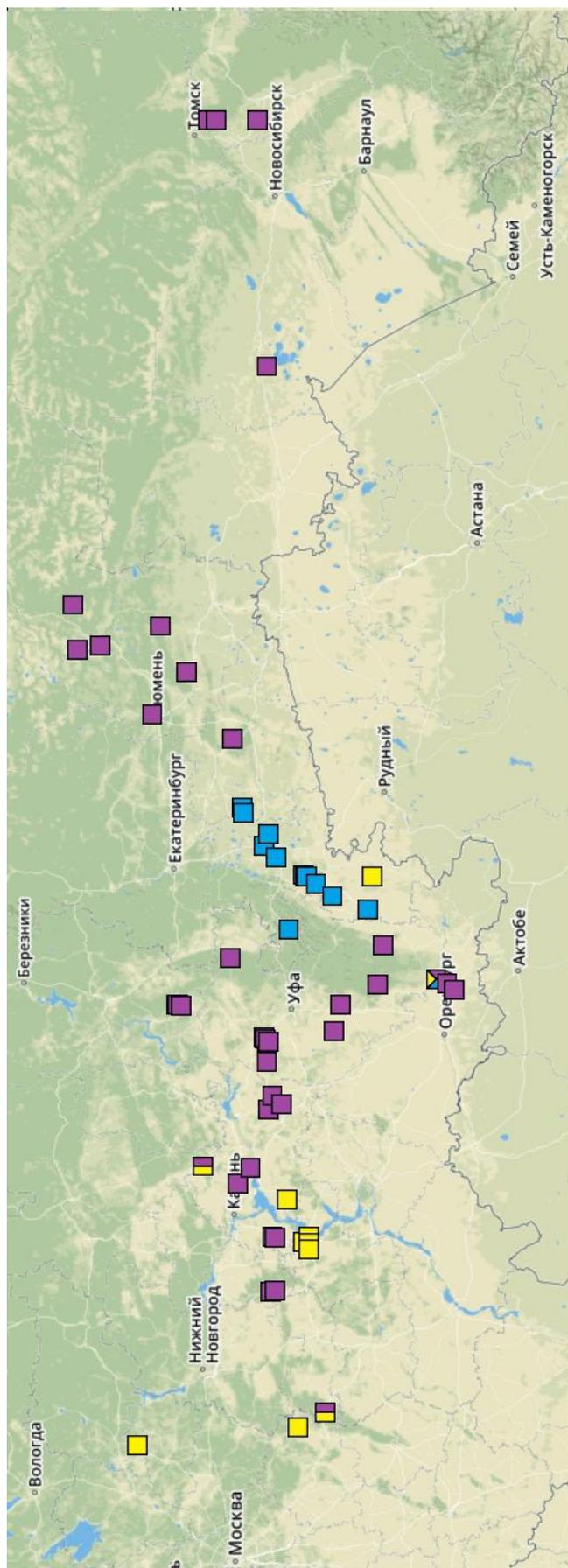
Очевидно, что для пра-волгоуральского состояния мы так же, как и для праогузского, не можем реконструировать алломорфов аффиксов на -L с -n после основ на носовой согласный, поскольку тогда сложно будет объяснить существование диалектов, где в этой позиции выступает -l (и существование регрессивной ассимиляции в -ll-); к тому же этому противоречит явно позднее появление алломорфов с -n в письменных памятниках.

В западнокыпчакских языках — караимском (всех трех диалектах), карачаево-балкарском, кумыкском и среднем крымско-татарском — чередования в этих аффиксах (как указано и в [Норманская, Гаджиева 2020]) отсутствуют.

В восточно-кыпчакских языках (или так называемой ногайской группе) распределе-

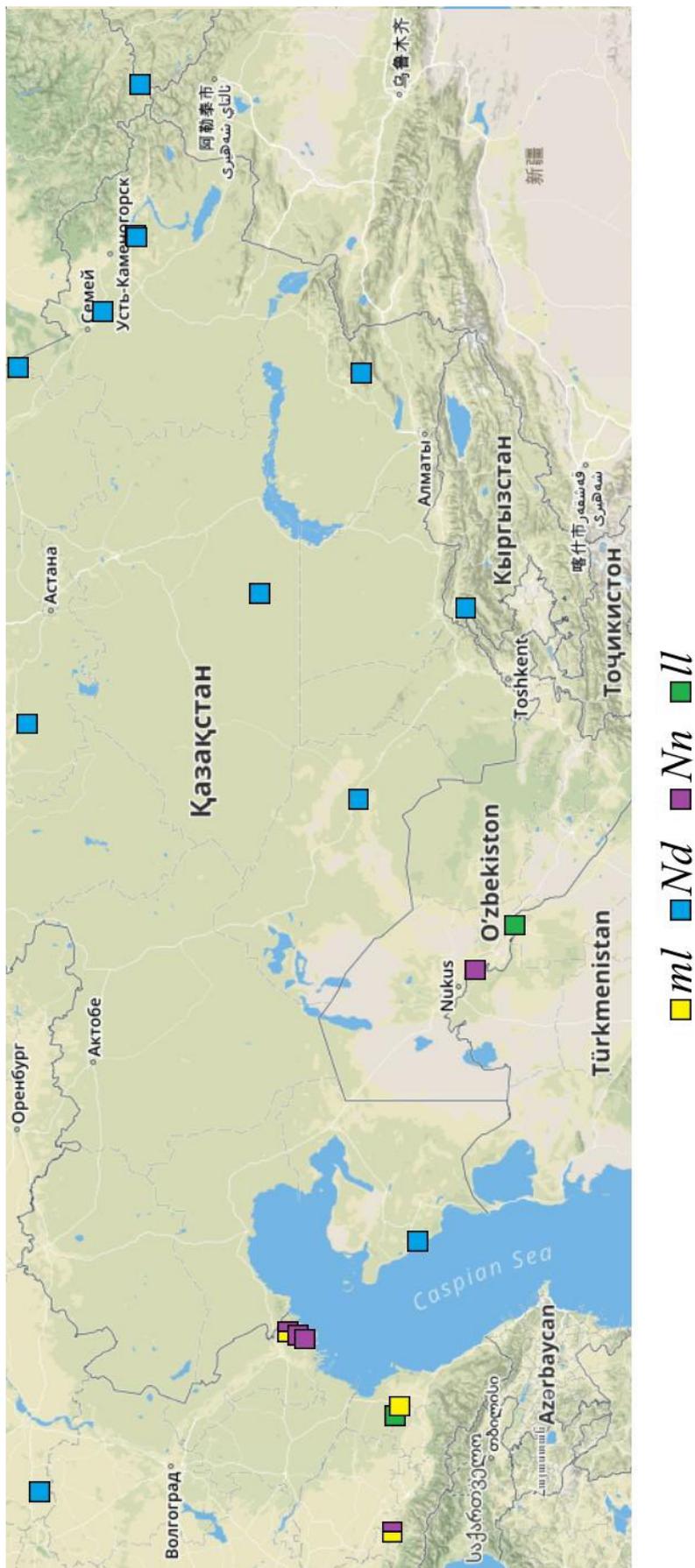
⁵ Однако в текстах из сибирского диалектологического тома [ТХС 2008] никаких колебаний нет: все l-аффиксы получают стабильно n после носового конца основы.

Карта 5. Отражение L-аффиксов после основ на носовые в волгоуральских (тюркских) идиомах
 [Map. 5. Reflexes of L-affixes after stems beginning with nasals in Volga-Ural (Turkic) idioms]

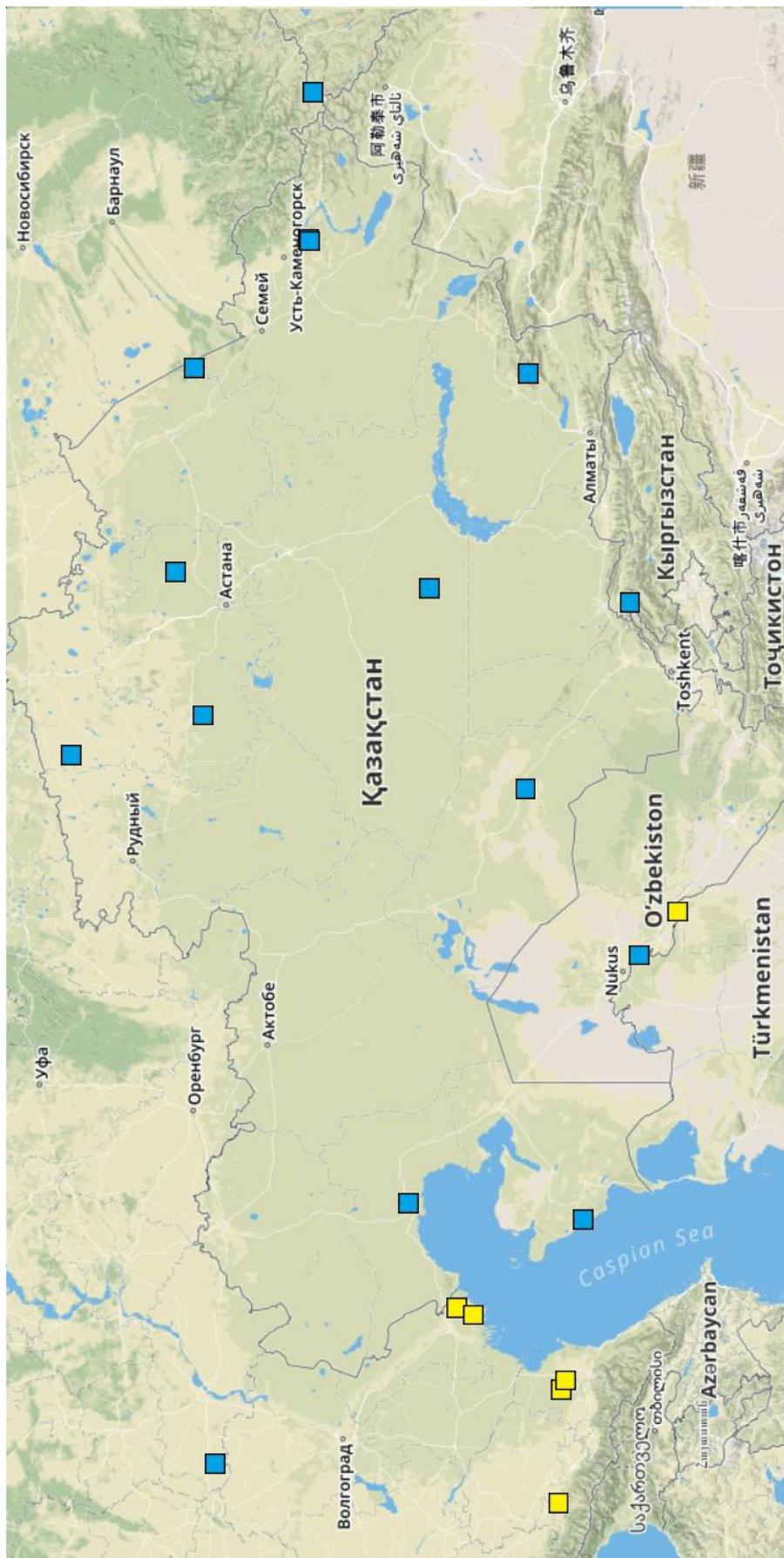

■ *nn* ■ *nl* ■ *nd*

Карта 7. Отражение L-аффиксов после основ на носовую согласную в восточно-кыпчацких идиомах
 [Map. 7. Reflexes of L-affixes after stems beginning with a nasal consonant in Eastern Kypchak idioms]

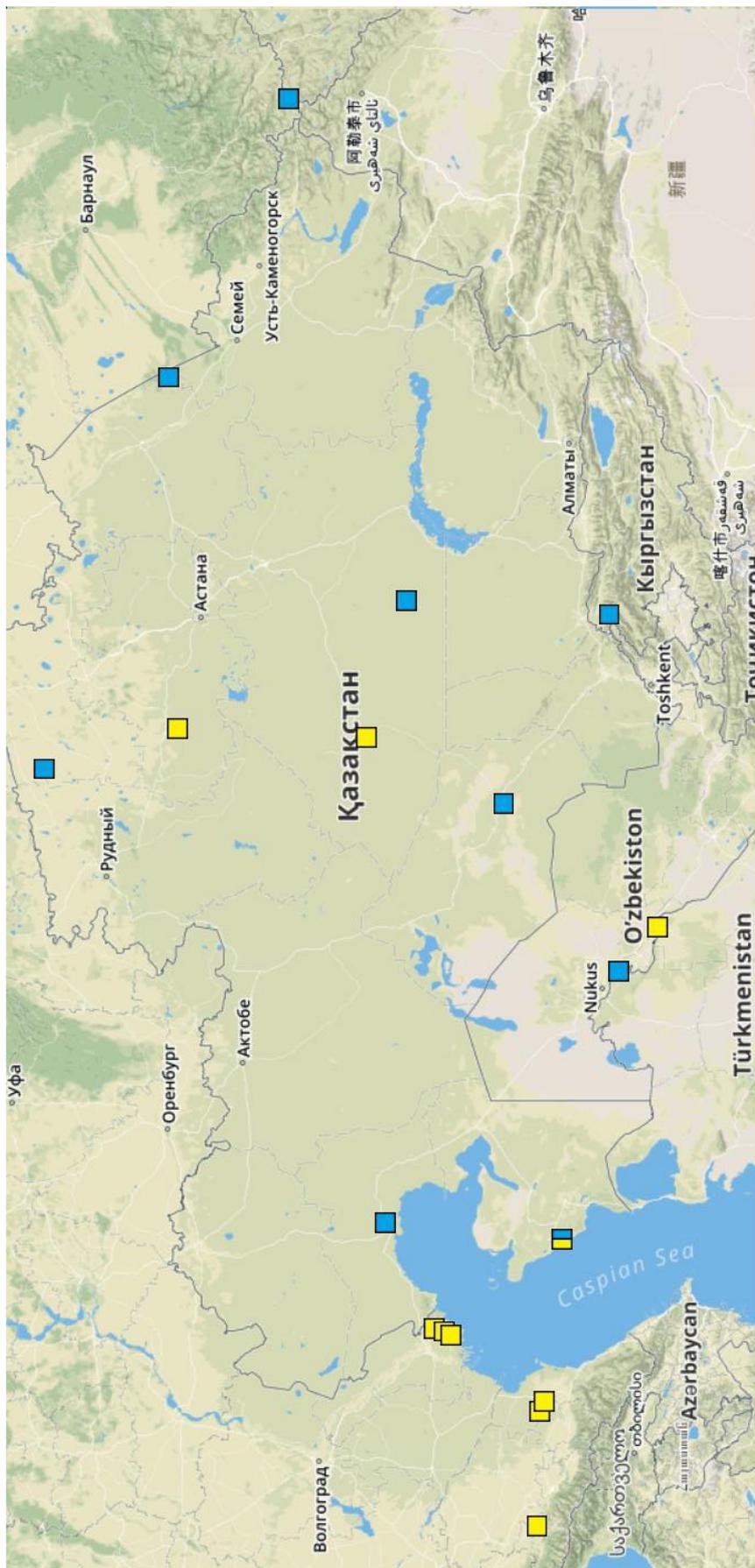
Карта 8. Отражение L-аффиксов после основ на -l в восточно-кыпчакских идиомах
[Map. 8. Reflexes of L-affixes after stems beginning with -l in Eastern Kypchak idioms]

ll

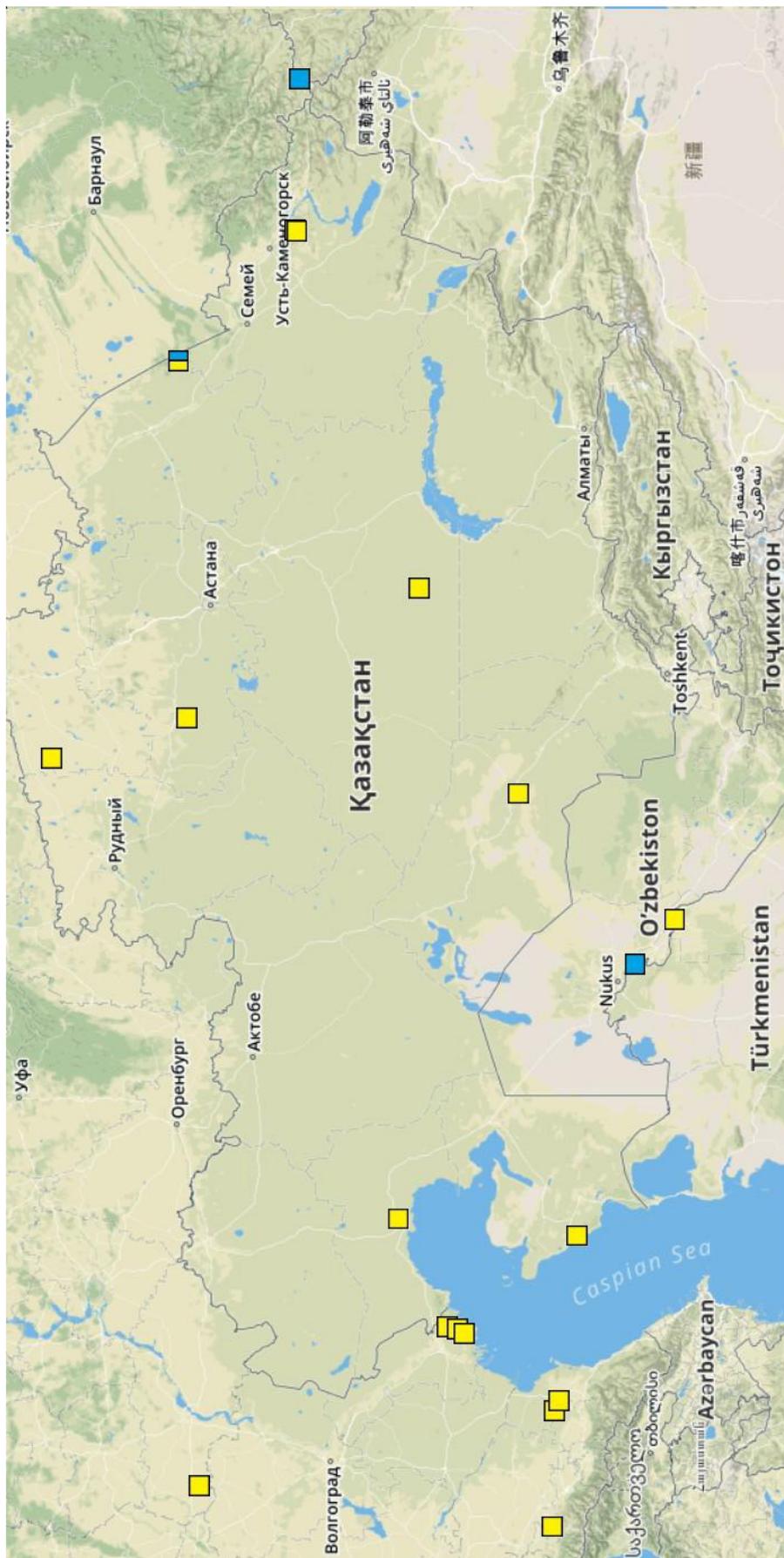
ld

Карта 9. Отражение L-аффиксов после основ на г, w, j в восточно-кыпчакских идиомах
 [Map. 9. Reflexes of L-affixes after stems beginning with г, w, j in Eastern Kypchak idioms]

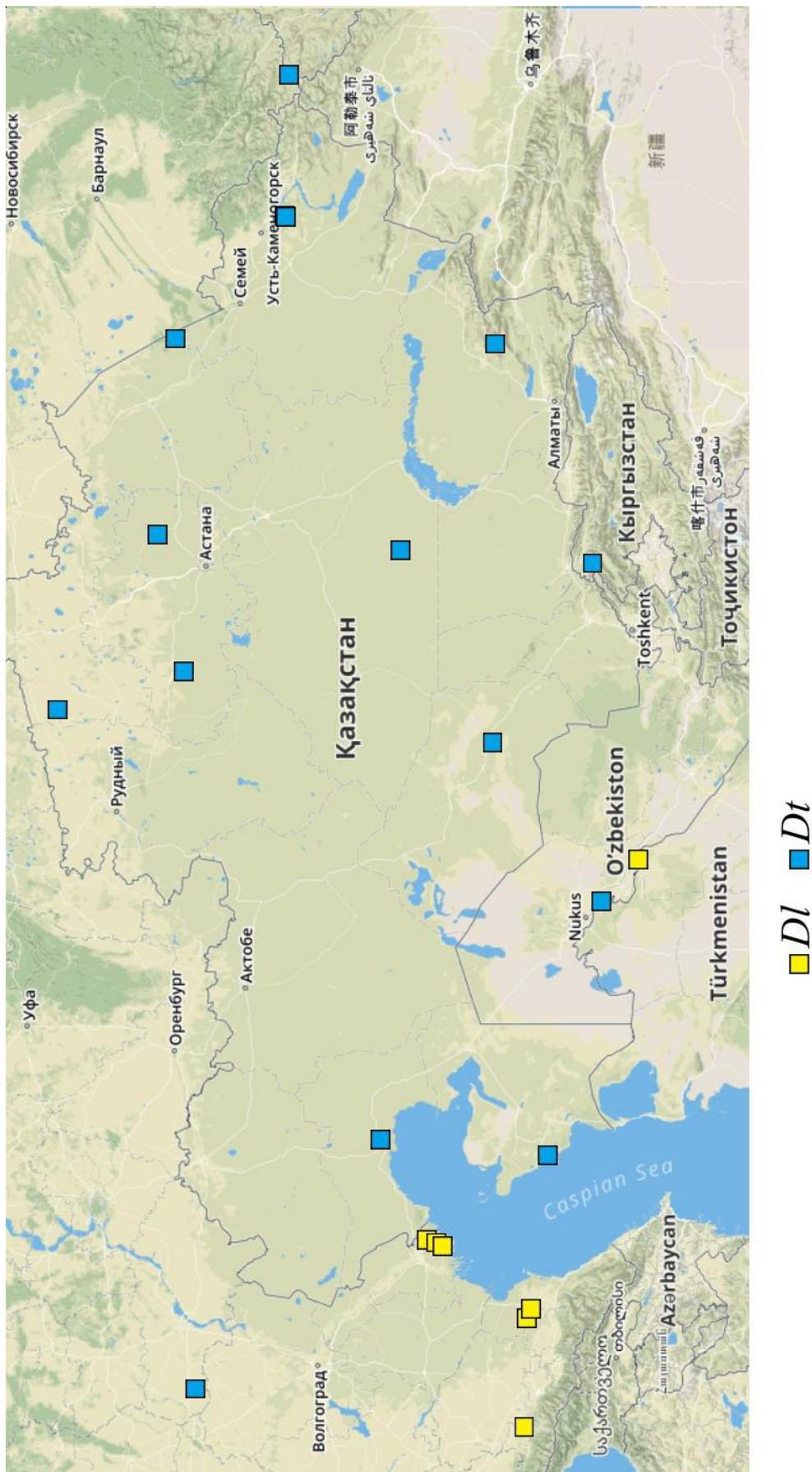
■ Rl ■ Rd

Карта 10. Отражение L-аффиксов после основ на глухую шумную в восточно-кыпчакских идиомах
 [Map. 10. Reflexes of L-affixes after stems beginning with a voiceless obstruent in Eastern Kypchak idioms]

■ Tl ■ Tt

Карта 11. Отражение L-аффиксов после основ на звонкую шумную в восточно-кыпчакских идиомах
[Map. 11. Reflexes of L-affixes after stems beginning with a voiced obstruent in Eastern Kypchak idioms]

ние по современным экспедиционным материалам выглядит так.

В статье [Норманская, Гаджиева 2020] приводится форма из миссионерского памятника казахского языка 1891 г., [Премудрости 1891], по-видимому, отражающего западный диалект, *Турганнарга* ‘стоящим’, которая, как будто, указывает на отражение начального L в аффиксах как n после основ на носовую согласную в этом казахском диалекте. Верно отмечено, что в современных говорах западноказахского диалекта таких форм не наблюдается, и сделан вывод, что памятник отражает такой исторический срез, когда ранее существовавшие в этом диалекте формы на Nn заменялись на Nd. При всей правдоподобности такого решения оно может быть оспорено. Дело в том, что для казахских диалектов XIX в. мы имеем еще несколько более раннюю кириллическую фиксацию, чем предоставляют нам описываемые миссионерские памятники. Это, прежде всего, работы Н. И. Ильминского по западному диалекту ([Ильминский 1860: 109]: «Это дало мне смелость издать „Материалы“, собранные мною частью в Оренбурге, частью в западной части зауральской степи, в кочевьях семиродцев и баюлинцев»). Для языка своих записей он выводит следующее правило [Ильминский 1860: 116]: аффиксы лАр, лА отыменного глагола, лЫ и лЫК производных имен, лАу неполноты проявления признака сохраняют л после гласных, дифтонгов (т. е. глайдов j и w) и р, и заменяют его на d или t после остальных согласных в зависимости от их звонкости/глухости (ср. *өкпелé* ‘огорчаться’, *сырла-* ‘выкрасить’, *орла-* ‘окопать рвом’, *өрлэ-* ‘дойти до вершины’, *урлук* ‘воровство’, *суула-* ‘измочить’, *сыла-* ‘почитать’, *шаьда-* ‘поднять пыль’, *арында-* ‘быть с норовом’, *шыбында-* ‘идти беспокойно из-за мух’, *эмде-* ‘лечить’, *өсүмді* ‘возрастающий’, *өздéрі* ‘они сами’, *септе-* ‘прибавить’, *өкүтте-* ‘советовать’, *уиты* ‘остроконечный’).

То же правило, будучи, очевидно, фонетическим, действует на кластеры внутри основ, в частности, при адаптации заимствований: *Алда* ‘Аллах’, *молда* ‘мулла’, *арстан* ‘лев’. Морфонологической аналогии подвергся коллективный аффикс *-daš, распределившийся ступени чередования по тому

же правилу: *сырлас* ‘друг, которомуверяют тайны’, *суулас* ‘сидящий на одной реке’ (с исключением *курдас* ‘ровесник’)⁶.

Такие примеры мы встречаем и в приложенном словарице. Надо сказать, что описываемый Н. И. Ильминским идиом точно соответствует нашим представлениям о западном диалекте как в отношении этого типа рефлексов L, так и в отношении особенностей сингармонизма: узкий гласный в аффиксе после огубленного в основе не огубляется: *суулы* (но внутри основы губной сингармонизм на узком выдерживается: *койун*); широкий гласный после узкого огубленного огубляется ([Ильминский 1860: 115]: «е и é заменяются на ö после слога с ү: *түсөр* вместо *түсёр* ‘упадёт’»). Точно такое явление демонстрируют казахский словарь 1897 года и грамматика Катаринского 1906 года, отражающие западный диалект, о чем см.: [Дыбо, Норманская 2016: 147].

Словарик, приложенный в конце [Ильминский 1860], подтверждает эту систему многочисленными примерами (*күјө* ‘моль’, *күјөк* ‘фартук для барана’, *күктө-* ‘шить на живую нитку’, *сүјөм* ‘пядь’, *үјрөк* ‘утка’, *үдөр-* ‘кочевать’ и т. д.).

Отметим, что описание Н. И. Ильминского не предполагает наличия алломорфа Pl. -nAr, а также алломорфов -nA-, -nI, -nK. Правило распределения ступеней чисто фонетическое (фонологическое), действует независимо от морфологической границы; мы также видим смену класса чередования у аффикса *-daš, получающего морфонологический облик -Las.

Н. И. Ильминский там же отмечает сильное влияние татарского на письменную речь казахов. Так что, возможно, пример в [Премудрости 1891] (тем более, что больше таких примеров в отгlossированном тексте памятника не нашлось) обусловлен влиянием татарского языка на переводчика.

В. В. Радлов [Радлов 1870] в предисловии к своему изданию казахского фольклора характеризует материалы Н. И. Ильминского как относящиеся к западному диалекту, а свои — как восточные. Материалы В. В. Радлова также немного старше, чем использованный в статье [Норманская, Гаджиева 2020] миссионерский памятник

⁶ Ср. аналогичное явление в группе туркменских диалектов: салыр., сарык. и зап. йомуд. *-даш* > *лаш*, см. [Амансарыев 1970: 220].

восточно-казахского диалекта [Крещение 1892], на основании одной формы из которого, *ксидери* ‘люди его’ (при наличии других форм от основ на гласную с -l-), Ю. В. Норманская и А. А. Гаджиева делают вывод о фиксации памятником временного среза, в котором в восточном диалекте казахского языка интервокальное -l начала аффикса начинает замещаться на -d.

В [Радлов 1870] действительно несколько раз встретились формы с -d после гласной: *зордұқ* ‘насилие’ [Радлов 1870: 65, 66, 88], *сонбударба* ‘к последним’ [Радлов 1870: 70], *бурунбудар* ‘передние’ [Радлов 1870: 185], *баладары* ‘его дети’ [Радлов 1870: 310], *одардан* ‘от них’, *одарба* ‘к ним’ [Радлов 1870: 752]. Значительно больше в текстах форм с интервокальным l. Надо сказать, примерно такое же количественное соотношение форм с d и с l в интервокале для аффиксов с начальным L демонстрируют и современные диалектные материалы с территории Казахстана; см., однако, подробно [Омарбеков 1992: 132-143], где алломорфы на -d считаются для восточных говоров (особенно для кош-агачского казахского) основным представителем L.

В труде [Березин 1890], цитируемом им, таких форм, действительно, значительно больше; в наших материалах по кош-агачскому казахскому они практически регулярны. Похоже, таким образом, что речь тут должна идти не о разных временных срезах, отражающих разные этапы развития явления, а о материале разных говоров.

Разумеется, следует согласиться с тем, что такие формы для кыпчакских языков инновационны; однако очевидное доказательство этого — то, что для пракыпчакского они не могут быть реконструированы, поскольку в ряде кыпчакских языков чередование отсутствует, а вторичность l в каждой из позиций не поддавалась бы обоснованию.

Г. Пока у нас практически отсутствуют материалы по карлукским языкам; опираясь на [СИГТЯ 1988: 19–21; СИГТЯ 2002: 111–113], можно утверждать, что в узбекских диалектах в основном неассимилируемое l (узб. тагаб. *хотонлээ* ‘женщины’, карш. *одомла* ‘люди’; в ташк. обратная ассимиляция конца основы аффиксом: *доллэ* ‘зёрна’, *ноллэ* ‘лепешки’; так же в илийском уйгурском по материалам Ю. В. Норманской в

Lingvodoc⁷: *jaqilar* ‘воротники’, *илаллар* ‘змеи’, *долкунлар* ‘волны’, *учкунлар* ‘искры’, *йоллар* ‘пути’, *кушлар* ‘птицы’, *отлар* ‘огни’, *йултузлар* ‘звезды’).

В некоторых узбекских карлукских говорах выступает n после носовой основы (по перечислению в [СИГТЯ 2002] это Андижан, Коканд, Уйчи, Ошоб, Ю. Киргизия, также Кашкай и Джума). Таким образом, мы и здесь имеем дело с независимыми поздними ассимиляциями, не возводимыми к праязыковому состоянию.

Сибирская ситуация в основном точно представлена в таблице в статье [Норманская, Гаджиева 2020]. Следует только заметить две вещи, имеющие отношение к окончательным выводам.

Во-первых, данные по тубаларскому, извлеченные из замечания [ГАЯ 1869: 10], вероятно, неточны. Там приводится форма *улуглар* ‘большие’ как существующая «у кондомцев и черневых» (и «черневые» можно понять как «тубалары», но это не обязательно так: «таежными» и «горными», что, собственно, синоним «черневых», называют себя также шорцы и часть хакасов). Но форма *улуглар* для тубаларского невозможна, поскольку *-g на конце слова в тубаларском превращается в глайд w, который после широких гласных сохраняется, а после узких пропадает, оставляя огубленный вокалический конец: *улу* ‘большой, старший’; *тау* ‘гора’. В таком виде эти формы представлены уже в [Радлов 1866: 241, 244, 246, 247, 248, 250–262]. В том же томе Радлова форма *улуглар* встречается на с. 409, и это сойонский, т. е. тувинский, текст. Возможно, что в ГАЯ в данном случае имелась в виду кондомская шорская форма *улуглар*.

Во-вторых, то, что все рассмотренные правила являются инновационными, доказывается не только и не столько с помощью карты, но и с помощью установления порядка действия правил, приводящих к существующим распределениям в языковых группах и языках.

Так, можно наблюдать, что вариант -tAg после глухих шумных захватывает связный ареал от якутского (в таких формах, как *мас-таp* ‘дерево-Pl’, где он обусловлен чи-

⁷ Lingvodoc [электронный ресурс] // URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/79/4/perspective/79/6/view> (дата обращения: 25.08.2020).

сто морфонологически, а не дублированием аффикса -t), тувинского и тофаларского, «кыргызских» языков, челканского, кумандинского, тубаларского, алтайского, теленгитского, телеутского через киргизский, казахский восточный, северный (отчасти и западный) и башкирский восточный (и некоторые говоры ик-сакмарского южного), не касаясь сибирско-татарского и каракалпакского, где варианты -лАр и -нАр. Этот связанный ареал, несомненно, довольно новый, не имеющий отношения к генеалогической классификации языков и диалектов, так как распространившаяся изоглосса захватила оглушенный на востоке старый звонкий *-z конца основы (совпавший в этом регионе с *-s). При этом в тувино-тофаларской группе совпадение *-z с *-s явно произошло после выделения этой группы, потому что тувино-тофаларская фарингализация отсутствует в словах со старым *-z независимо от долготы предшествующего гласного и присутствует в словах на *-s с первично кратким гласным. В западной же своей части изоглосса основ на -*z не захватывает, поскольку там он остается фонологически

звонким. Та же изоглосса захватывает оглушенный *-d в якутской и тувинской группах (як., тув. *боттар* ‘сами’) и оглушенный *-s < *-d в кыргызской группе (хак. *постар* ‘сами’). То есть, очевидно, что распространение правила прошло через границы генеалогических групп и после прохождения конституирующих эти группы процессов⁷.

Выводы

Итак, на рассмотренном материале можно достаточно убедительно показать, что морфонологические изоглоссы, касающиеся алломорфии стандартно-тюркского аффикса множественного числа *-lAr, это конгломерат инновационных процессов, довольно случайным образом захватывающих разные части «тюркского мира» и распространяющихся в ряде случаев согласно «волновой модели», не будучи связанными с генеалогическим членением тюркских языков. Но для доказательства этого оказалось необходимо применять ступенчатую реконструкцию, то есть отдельно рассматривать поведение аффиксов в каждой из генеалогических группировок.

Литература

Амансарыев 1970 — Амансарыев Ж. Түркмен диалектологиясы. Ашгабат: Түркменистан, 1970. 382 с.

Андреев 2007 — Андреев В. П. Словарь языка каратаев. Казань: Слово, 2007. 187 с.

АТНГ 2015 — Атлас татарских народных говоров. Изд. 2-е. Казань: ИЯЛИ, 2015. 632 с.

⁷ По степени единообразия во входящих в кладу идиомах можно вывести алломорфию аффиксов на *-l на прауровень «кыргызской», т. е. хакасско-шорско-чулымской группы (см.: [Норманская, Гаджиева 2020: табл. 3]). Любопытно, что, по-видимому, для всей группы выводятся на прауровень две морфемы типа l: как обозначили мы их в модели хакасской словоформы, трехвариантная Л (л/н/т) и двухвариантная L (л/н) (см.: [Дыбо и др. 2019]). Первая работает во всех рассматривавшихся здесь словоизменительных и словообразовательных аффиксах; вторая содержится в аффиксе континуатива (встраиваемой частицы) и в аффиксе глаголообразования от звукоподражаний (в отличие от стандартного аффикса глаголообразования от имен LA), ср.: *майтлат-* ‘шлепать по воде’ {майт=LA=(B)T-} ‘звукоподражание шлепанию=Орег=Caus’; *мыхлас-* ‘пищать вместе’ {мых=LA=(B)C-} ‘звукоподражание пisku=Орег=Rec-’. В шорском языке мы также, кроме обычного трехвариантного Л в рас-

смотренных аффиксах, находим формы типа *тарыслак* ‘треск’, *нырлапчыткан* ‘шумяще’ (о волнах) (т. е. образования от звукоподражаний сохраняют л после шумных глухих) и «усилительную или подтвердительную» частицу *ла/на* (вариант с н после носовых) [Дыренкова 1941: 245]. (В существующих описаниях среднечулымского пока подробные разделы о встраиваемых частицах и звукоподражаниях отсутствуют, так что о наличии в нем морфемы L нам неизвестно). При этом формальные соображения заставляют нас считать двухвариантность морфемы более поздним явлением, чем трехвариантность: двухвариантное чередование работает (в случае с частицей) в сандхи, которое еще недавно было внешним (первое из мест континуативной частицы в словоформе — после старой формы деепричастия основного глагола перед вспомогательным), или до сих пор является почти внешним — на конце словоформы. Видимо, здесь мы имеем дело с новой волной ассимилятивных процессов.

- Березин 1890 — Турецкая хрестоматия, составленная профессором С.-Петербургского университета И. Березиным. Т. 3. Казань: Тип. Казанского университета, 1890. 385 с.
- Бессонов 1881 — *Бессонов А. Г.* О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХVI. СПб., 1881. С. 200–242.
- Гаркавец 2019 — *Гаркавец А. Н.* Codex Sumanicus. Второе полное издание, дополненное. Алматы: Алматы-Болашак, 2019. 1360 с.
- ГАЯ 1869 — Грамматика алтайского языка, составлена членами алтайской миссии. Казань: Университетская типография, 1869. 298 с.
- Грамматика 1981 — Грамматика современного башкирского литературного языка / З. З. Абсалямов, М. Х. Ахтямов, Т. М. Гарипов и др.; отв. ред. А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1981. 495 с.
- Грунин 1967 — *Грунин Т. И.* Документы на половецком языке XVI в: судебные акты каменец-подольской армянской общины. М., Наука, 1967. 429 с.
- Дыбо 2012 — *Дыбо А. В.* Морфонологический анализ и внутренняя реконструкция: к истории башкирского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: мат-лы XII рег. конф. (г. Уфа, 27–28 ноября 2012 г.) / редкол.: Л. А. Бускунбаева и др.; сост. Р. Н. Каримова. Уфа: ИИЯЛ, Уфимский НЦ РАН, 2012. С. 65–69.
- Дыбо 2017 — *Дыбо А. В.* Еще раз об истории показателей лично-числового спряжения в тюркских языках // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3 (26). С. 127–150.
- Дыбо и др. 2019 — *Дыбо А. В., Крылов Ф. С., Мальцева В. С., Шеймович А. В.* Сегментные правила в автоматическом парсере Корпуса хакасского языка // Урало-алтайские исследования. 2019. № 1(32). С. 48–69.
- Дыбо и др. 2020 — *Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Айбазова З. К., Зимин М. М., Коровина Е. В., Мальцева В. С., Мудрак О. А., Ренковская Е. А., Савельев А. В., Хисамов О. Р., Шаров А. В., Шеймович А. В.* Новые результаты в генеалогической классификации тюркских диалектов («случаи с аффрикатами») // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 3. С. 696–713.
- Дыбо, Норманская 2016 — *Дыбо А. В., Норманская Ю. В.* Первые кириллические книги на казахском языке как источник для изучения диалектов и создания литературной нормы // Урало-алтайские исследования. 2016. № 4 (23). С. 138–152.
- Дыренкова 1941 — *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка / отв. ред. С. Е. Малов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- Ильминский 1860 — *Ильминский Н. И.* Материалы к изучению киргизского наречия. Книга IV // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. Казань: Тип. ун-та, 1860. С. 107–162.
- Катанов 1898 — *Катанов Н. Ф.* Материалы к изучению казанско-татарского наречия. Часть первая. Образцы книжной и устной литературы казанских татар. Казань: типо-литогр. Имп. ун-та, 1898. 168 с.
- Кононов, Фазылов, Зияева 1978 — *Кононов А. Н., Фазылов Э. И., Зияева М. Т.* Изысканный дар тюркскому языку: грамматический трактат XIV в. на арабском языке. Ташкент: Фан, 1978. 452 с.
- Крещение 1892 — Аулие князь Владимир турадинге бзи де крип; орыс калкын-да кргизгени. Крещение Руси на киргизском языке. Казань: тип. наследников М. А. Чирковой, 1892. 27 с.
- Курбатов 2003 — История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX в.) / ред. Х. Курбатов. Казань: Фикер, 2003. 656 с.
- Насыри 1904 — Абдуль-Каюмъ бинъ Абду-Насыри-и-ль-Казани. Полный русско-татарский словарь, съ дополнением изъ иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ какъ научные термена. Казань: Тип. Казанского университета, 1904. 264 с.
- Норманская, Гаджиева 2020 — *Норманская Ю. В., Гаджиева А. А.* Как изменилась форма показателя множественного числа в тюркских языках за последние 150 лет // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 1121–1134.
- Нуриева 2004 — *Нуриева Ф. Ш.* Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань: Каз. гос. ун-т, 2004. 384 с.
- Омарбеков 1992 — *Омарбеков С.* География фонетических различий казахской речи (Сравнительный аспект системы согласных). Алма-Ата: Рауан. 1992. 224 с.
- Премудрости 1891 — Акыл бере тугун кнеге (Изъ премудрости Иисуса сына Сирахова).

- Казань: Типография и литография В. М. Ключникова, 1891. 55 с.
- Радлов 1866 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 1. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1866. 453 с.
- Радлов 1870 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 3. Киргизское наречие. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1870. 814 с.
- СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 560 с.
- СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.
- ТХС 2008 — Татар халык сөйләшләре: Ике китапта / Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хәйретдинова һ. б. (= Татарские народные говоры: в двух книгах). Казань: Мәгариф, 2008. Беренче китап. 463 б.; Икенче китап. 495 б.
- Хидиятов 2005 — *Хидиятов И. Р.* Язык письменных памятников периода Казанского ханства (XVI в.) и татарские говоры в сравнительном аспекте: морфология: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 247 с.
- Хисамова 2015 — *Хисамова Ф. М.* (фәнни ред.) Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) (= История татарского литературного языка (с XIII по начало XX в.) / И. Б. Бәширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадыйрова. I т.: Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Казан: ТӘҺСИ, 2015. 696 б.
- Adamović 1985 — *Adamović M.* Konjugationsgeschichte der türkischen Sprache. Leiden: Brill, 1985. 357 S.
- Alparov 1934 — *Alparov G.* Tatar әдәби теленең орфография җағыйдалары. Qazan: Tatgosizdat, 1934. 40 с.
- Berta 1988 — Wolgatatarische Dialektstudien. Textkritische Neuauflage der Originalsammlung von G. Bálint 1875–76. Hrsg. von Á. Berta. Budapest: Magyar tudományos akadémia könyvtára, 1988. 413 s.
- Clauson 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press. 1972. 988 p.
- Erdal 1991 — *Erdal M.* Old Turkic Word Formation. V. 1-2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 1991. 874 p.
- Erdal 2004 — *Erdal M.* A grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004. 576 p.
- Grønbech 1942 — *Grønbech K.* Komanisches Wörterbuch: türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen: Einar Munksgaard, 1942. 315 S.
- Houtsma 1894 — Ein Türkisch-Arabisches Glossar, nach der Leidener Handschrift. Hrsg. und erläutert von M. Th. Houtsma. Leiden: Brill. 1894. 192 S.

References

- Adamović M. Konjugationsgeschichte der türkischen Sprache (Turkish Language: History of Conjugation). Leiden: Brill, 1985, 357 p. (In Germ.)
- Alparov G. Tatar Literary Language: Spelling Rules. Kazan: Tatgosizdat, 1934. 40 p. (In Tat)
- Amansaryev J. Turkmen Dialectology. Ashgabat: Türkmenistan, 1970. 382 p. (In Turk.)
- Andreev V. P. A Dictionary of the Language Spoken by the Karatays. Kazan: Slovo, 2007. 187 p. (In Tat.)
- Bayazitova F. S., Ramazanova D. B., Khayretdinova T. Kh. Tatar Folk Dialects. In 2 vols. Kazan: Mägarif, 2008. Vol. 1, 463 p.; vol. 2, 495 p. (In Tat.)
- Berezin I. A Turkish Chrestomathy Compiled by Prof. I. Berezin (Imperial St. Petersburg University). Kazan: Imperial Kazan University, 1890. Vol. 3. 385 p. (In Turk. and Russ.)
- Berta Á. (ed.) Wolgatatarische Dialektstudien. Textkritische Neuauflage der Originalsammlung von G. Bálint 1875–76 (Dialectology of the Volga Tatars. New Critical Edition of G. Bálint's 1875–76 Original Collection). Budapest: Hungarian Academy of Sciences (Library), 1988. 413 p. (In Germ.)
- Bessonov A. G. Revisiting subdialects of Kazan Tatar, and the latter's relation to its closest dialects and languages. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1881. No. CCXVI. Pp. 200–242. (In Russ.)
- Christianization of (Kievan) Rus' by Vladimir the Great: In the Kirghiz Language. Kazan: Heirs of M. A. Chirkova, 1892. 27 p. (In Kaz.)

- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972, 988 p. (In Eng.)
- Dybo A. V. Again on the subject of the history of personal-numeral conjugation in Turkic languages. *Ural-Altai Studies*. 2017. No. 3 (26). Pp. 127–150. (In Russ.)
- Dybo A. V. Morphological analysis and internal reconstruction: history of the Bashkir language revisited. In: Karimova R. N. (comp.), Buskunbaeva L. A. et al. (eds.) Languages of Russia's Peoples. Topical Issues of Dialectology. Conference Proceedings (Ufa; November 27–28, 2012). Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Center of RAS), 2012. Pp. 65–69. (In Russ.)
- Dybo A. V., Krylov F. S., Maltseva V. S., Sheymovich A. V. Segmental rules in the automatic parser for the Khakass corpus. *Ural-Altai Studies*. 2019. No. 1 (32). Pp. 48–69. (In Russ.)
- Dybo A. V., Normanskaja J. V. The first Cyrillic books in Kazakh as a base for studying the history of dialects and creating a literary standard. *Ural-Altai Studies*. 2016. No. 4 (23). Pp. 138–152. (In Russ.)
- Dybo A. V., Abubakirova L. F., Aibazova Z. K., Hisamov O. R., Korovina E. V., Maltseva V. S., Mudrak O. A., Renkovskaya E. A., Savelyev A. V., Sharov A. V., Sheimovich A. V., Zimin M. M. Some new results in the genealogical classification of Turkic dialects: 'cases of affricates'. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 696–713. (In Russ.)
- Dyrenkova N. P. Grammar of the Shor Language. S. Malov (ed.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 308 p. (In Russ.)
- Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004. 576 p. (In Eng.)
- Erdal M. Old Turkic Word Formation. Vols. 1-2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991. 874 p. (In Eng.)
- Garkavets A. N. Codex Cumanicus: Second Complete Edition, Suppl. Almaty: Almaty-Bolashak, 2019. 1360 p. (In Russ.)
- Grammar of the Altaian Language Compiled by Members of the Altaian Orthodox Mission. Kazan: Imperial Kazan University, 1869. 298 p. (In Russ.)
- Grønbech K. Komanisches Wörterbuch: türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus (Dictionary of Cuman: Index of Turkish Words to Codex Cumanicus). Copenhagen: Einar Munksgaard, 1942. 315 p. (In Germ. and Turk.)
- Grunin T. I. 16th-Century Polovtsian (Cuman)-Language Documents: Judicial Acts of Kamianets-Podilskyi Armenian Community. Moscow: Nauka, 1967. 429 p. (In Russ.)
- Houtsma M. Th. (ed.) Ein Türkisch-Arabisches Glossar, nach der Leidener Handschrift (A Turkish-Arabic Glossary, Compiled on the Basis of the Leiden Manuscript). Leiden: Brill, 1894. 192 p. (In Turk., Arab. and Germ.)
- Ilminsky N. I. Kirghiz Dialect: Research Materials. *Uchenye Zapiski, izdavaemye imperatorskim Kazanskim universitetom*. 1860. No. 4. Pp. 107–162. Available at: <http://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1550712> (accessed: July 20, 2020). (In Kaz. and Russ.)
- Katanov N. F. Kazan Tatar Dialect: Research Materials. Part One: Samples of Printed and Oral Literature of Kazan Tatars. Kazan: Imperial Kazan University, 1898. 168 p. (In Tat. and Russ.)
- Khidiyatov I. R. 16th-Century Tatar Language of Written Monuments (Khanate of Kazan) and Tatar Dialects: A Comparative Morphological Perspective. Cand.Sc. (philology) thesis. Kazan, 2005. 247 p. (In Russ.)
- Khisamova F. M. (ed.) History of the Tatar Literary Language: 13th to the Early 20th Century. I. Bashirova, F. Nurieva, E. Kadyirova. Kazan: Institute of Language, Literature and Art (Tatarstan Academy of Sciences), 2015. Vol. I: Phonetics. Graphics. 696 p. (In Tat.)
- Kononov A. N., Fazylov E. I., Ziyaeva M. T. A Sophisticated Gift to the Turkic Language: 14th-Century Arabic-Language Grammar. Tashkent: Fan, 1978. 452 p. (In Russ.)
- Kurbatov Kh. R. (ed.) History of the Tatar Literary Language: 13th – First Quarter of 20th Century. Kazan: Fiker, 2003. 656 p. (In Russ.)
- Nasiri Q. A Complete Russian-Tatar Dictionary, Supplemented with Foreign Words Used in the Russian Language as Scientific Terms. Kazan: Imperial Kazan University, 1904. 264 p. (In Russ. and Tat.)
- Normanskaya Yu. V., Gadzhieva A. A. Turkic plural forms: changes over the last 150 years revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 4. Pp. 1121–1134. (In Russ.)
- Nurieva F. Sh. The Shaping of the Golden Horde Literary Turkic Tatar: Historical and Linguistic Conditions. Kazan: Kazan State University, 2004. 384 p. (In Russ.)
- Omarbekov S. Geography of Phonetic Differences in Spoken Kazakh: The Consonant System in

- a Comparative Perspective. Alma-Ata: Rauan, 1992. 224 p. (In Russ.)
- Radlov V. V. *Turkic Tribes of Southern Siberia and Dzungar Steppe: Samples of Folk Literature. Part 1: Subdialects of the Altai, including Those of Altaians, Teleuts, Tubalars, Chelkans, Shors and Soyots.* St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1866. 453 p. (In Russ., Alt., etc.)
- Radlov V. V. *Turkic Tribes of Southern Siberia and Dzungar Steppe: Samples of Folk Literature. Part 3: Kirghiz Dialect.* St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1870. 814 p. (In Russ. and Kaz.)
- Ramazanova D. B., Khayrutdinova T. Kh. (eds.) *Atlas of Tatar Folk Dialects.* 2nd ed. Kazan: Institute of Language, Literature and History, 2015. 632 p. (In Tat. and Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) *Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Morphology.* Moscow: Nauka, 1988. 560 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) *Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Regional Reconstructions.* Moscow: Nauka, 2002. 767 p. (In Russ.)
- The Book of Sirach. Excerpts. Kazan: V. Klyuchnikov, 1891. 55 p. (In Kaz.)
- Yuldashev A. A. (ed.) *Grammar of the Modern Bashkir Literary Language.* Z. Absalyamov, M. Akhtyamov, T. Garipov et al. Moscow: Nauka, 1981. 495 p. (In Russ.)

